

*Сладким кумирам
и медленно горящим.*

Пролог

Логан

Некоторые парни привыкли думать своими членами.

Ну, вы знаете такой типаж. Они быстро и красиво говорят, глаза бегают туда-сюда в поисках пары красивых ножек, пышной груди или упругой задницы, за которой они с удовольствием будут волочиться.

Другие слишком много думают. И этих вы встречали. До ужаса осторожные, медлительные, взвешивают каждое слово, как будто боятся, что все, что они скажут, будет использовано против них.

Я не отношусь ни к тем, ни к другим.

Я всегда прислушиваюсь к своему чутью. Когда у меня внутри что-то сжимается, словно предупреждение, я действую — без колебаний. Когда дергает и толкает, я остаюсь навливаюсь и все как следует обдумываю. Когда извивается и корчится, я точно знаю, что здорово напортачил.

Мое чутье — мой лучший друг, моя совесть, моя самая смертоносная сила.

И оно никогда не подводило меня.

Чутье тащит меня к ее двери. Оно заставляет меня застыть на месте, когда я стучу. Оно подсказывает мне слова — слова мольбы, незнакомые до этого слова рас-

каяния, — которые я с радостью скажу, чтобы все исправить.

Чтобы вернуть ее.

Потому что, несмотря на отличное чутье, иногда я просто идиот.

Вчера был один из таких дней.

— Элли. Это я — открой, нам нужно поговорить.

Я чувствую движение по другую сторону массивной дубовой двери — это не шорохи, не движение теней под ней, а подсказка моего подсознания. Я чувствую ее там, внутри. Она стоит рядом и слушает.

— Уходи, Логан.

Голос у нее напряженный, более высокий, чем обычно. Расстроенный.

— Элли, пожалуйста. Я был придурком, я знаю... — Мне не очень нравится умолять в коридоре, но если так надо... — Прости. Впусти меня.

Элли трудно разозлить, она быстро прощает; в ней просто нет места для обид. Поэтому ее слова падают, как удар молота, — словно сбивают меня с ног.

— Нет, ты был прав. У сестры принцессы и телохранителя из Ист-Амбой нет шансов — мы долго не продержимся.

Неужели я действительно ей это сказал? Что, черт возьми, со мной не так? Мое чувство к ней — единственное, что имеет смысл в моей жизни. Что имеет значение.

Но я никогда не говорил ей об этом.

Вместо этого... вместо этого я сказал все не так, как следовало.

Я прижимаю ладонь к гладкому дереву и наклоняюсь вперед, желая быть как можно ближе к ней.

— Элли...

— Я передумала, Логан.

Если бы труп мог говорить, его голос звучал бы точно так же, как сейчас у моей Элли. Ее тон ровный, безжизненный.

— Я хочу сказку. Я хочу то, что есть у Оливии... замки и экипажи... а ты никогда не сможешь мне этого дать. Я бы просто смирилась. Ты никогда не сможешь сделать меня счастливой.

Она это несерьезно. Это мои слова — весь этот бред, в котором я ее убедил, — и она швыряет его обратно, прямо мне в лицо.

Но Боже, это чертовски больно слышать. Физически больно — слова вонзаются глубоко в живот, сдавливают грудь, перемалывают кости. Я не шутил, когда сказал, что умру за нее... и прямо сейчас мне кажется, что это чистая правда.

Я хватаюсь за дверную ручку, чтобы войти внутрь, чтобы увидеть ее лицо. Убедиться, что она не хотела всего этого говорить

— Элли...

— Не входи! — Я никогда не слышал, чтобы она так кричала. — Я не хочу тебя видеть! Уходи, Логан. Все кончено — просто уходи!

Я тяжело дышу — как бывает, когда боль разрушает тебя, когда приходится дышать сквозь боль. Я сглатываю желчь, выпрямляюсь, разворачиваюсь и иду по коридору. Подальше от нее. Именно так, как она и хочет, как она просит. О чем она только что прокричала через дверь.

Мой мозг велит мне шевелиться — убираться отсюда к черту, минимизировать потери и зализать раны. А мое

сердце — господи, этот бедный ублюдок слишком изранен, чтобы вообще что-то чувствовать.

Но потом, примерно на середине коридора, мои шаги замедляются, пока я полностью не останавливаюсь.

Потому что мое чутье... оно болезненно напрягается. Оно бунтует. Оно кричит, что все это неправильно. Это не она. Что-то не так.

И даже больше... Что-то совсем, совсем не так.

Я осматриваю тихий коридор — ни охранника, ни горничной. Я оглядываюсь на дверь. Она закрыта, тихая и неподвижная.

Я поворачиваюсь и иду прямо к ней. Я не стучу, не жду и не спрашиваю разрешения. Одним движением я поворачиваю ручку и захожу внутрь.

От того, что я там вижу, меня бросает в дрожь.

Я ожидал чего угодно, но не этого.

Совсем не этого...

1

Логан Пятью годами ранее

— Вы хотели видеть меня, принц Николас?

Хочу признаться: когда власти придержащие впервые предложили мне должность в королевской службе безопасности, меня это не интересовало. Сама мысль — сопровождать каких-то самодовольных аристократов, которые влюблены в звук собственного голоса — и в запах собственной задницы, — не привлекала меня. С моей точки зрения, телохранители лишь на ступеньку выше мальчиков-слуг, а я не слуга.

Я хотел действовать. Славы. Цели. Я хотел быть частью чего-то большего, чем я. Чего-то благородного и долговечного.

— Да, Логан, присаживайся.

Я довольно быстро проявил себя в армии. И Уинстон — глава Дворцовой охраны — обратил на меня внимание. Он сказал, они ищут людей особого склада для личной команды принца Николаса. Молодых парней, которые быстры, легки на подъем, преданны и свирепы, когда понадобится. Тех, для кого в порядке вещей захватить с собой нож на перестрелку — потому что им не понадобится ни этот гребаный нож, ни пистолет, чтобы победить.

Всего через несколько недель я стал иначе смотреть на все это. Мне стало казаться, что это призвание, долг. Особенности люди делают так, чтобы что-то происходило и дела делались — они обладают силой, с помощью которой могут облегчить жизнь не-столь-особенным-людям.

А я защищаю их, чтобы они могли это делать.

И вот молодой принц сидит напротив меня за письменным столом в библиотеке роскошного пентхауса — он особенный человек.

— Сколько тебе лет, Логан?

— В моем досье сказано, что мне двадцать пять.

Если святой Петр был ловцом человеческих душ, то у меня дар их читать. Это навык, который необходим для такой профессии — за версту чуют намерения другого человека. Уметь прочесть все по его глазам, по тому, как он переступает с ноги на ногу, узнать, на что он способен и что он за человек.

Николас Пембрук — хороший человек. До мозга костей.

И это большая редкость.

Чаще всего особенные люди — первоклассные отморозки.

У него дергается уголок рта.

— Я знаю, что сказано в твоём досье. Я не об этом спрашивал.

Он не дурак: в жизни ему достаточно лгали, чтобы научиться определять на слух, что правда, а что нет.

— Сколько тебе лет на самом деле?

Я смотрю ему в глаза, гадая, к чему он клонит.

— Двадцать два.

Он медленно кивает, массируя большим пальцем ладонь другой руки, размышляя.

— Итак, ты был призван в армию... в пятнадцать? Солгал о своем возрасте? Такой молодой.

Я пожимаю плечами.

— В призывном пункте особо не разбирались. Я был высоким, крепким и умел драться.

— Ты был ребенком.

— Я не был ребенком, Ваше Высочество. Не больше, чем вы.

Детство — это когда ты должен надеть ошибок, понять, кто ты, кем ты хочешь быть. Тебе дается официальное разрешение побыть ослом. У меня не было такой привилегии, как и у Николаса. Наши судьбы были предрешены еще до нашего рождения. Разные судьбы, конечно, но независимо от того, растешь ты в конуре или во дворце, ожидания и требования окружающих, как правило, довольно быстро убивают в тебе невинность.

— Почему ты ушел из дома таким юным?

Теперь моя очередь ухмыляться. Потому что я тоже не дурак.

— Вы знаете почему. В досье об этом тоже написано.

Я умею распознавать отморозков, потому что сам из таких. Преступники не особенно везучие. Мелочные, хитрые, достаточно отчаянные и поэтому опасные — из тех, кто улыбнется тебе в лицо, похлопает по спине, а потом всадит в спину нож, как только ты отвернешься.

Мой дедушка умер в тюрьме — он сидел за убийство, совершенное во время вооруженного ограбления. Отец тоже умрет там, и чем скорее, тем лучше — он сидит за непредумышленное убийство. У меня есть дяди, которые сидели за самые разные вещи, двоюродные братья,

которых убили средь бела дня прямо на улице, и тети, которые, не задумываясь, отправили своих дочерей на панель.

К тому времени, когда мне исполнилось пятнадцать, я понял, что, если останусь в этой дыре, мне конец. И тогда у меня будет только два пути: в тюрьму или на кладбище.

Ни один вариант меня не привлекал.

— Что это на самом деле значит? Все эти вопросы?

Всегда лучше сразу переходить к делу, прямо и быстро.

Его серо-зеленые глаза фокусируются на мне, он изучает меня, чуть ссутулив плечи, как будто на них сидит слон.

— Теперь, когда Генри у меня в руках, королева хочет, чтобы мы вернулись в Весско, через два дня. Ты же знаешь.

Я киваю.

— Я хочу взять Оливию с собой домой на лето.

Какое-то время я сомневался в этой симпатичной нью-йоркской булочнице. Она вложила всякие идеи в голову Николасу, сделала его безрассудным. Но она хорошая девушка — трудолюбивая, честная, — и она заботится о нем. Не о его титуле или банковском счете. Ей наплевать на них, и, вероятно, она предпочла бы, чтобы у него их не было.

Она делает его счастливым.

К тому же за те два года, что я работаю с наследным принцем, я не помню, чтобы когда-нибудь видел его по-настоящему счастливым.

— Разумно ли это? — спрашиваю я.

Оливия Хэммонд — милая девушка. А дворец... умеет превращать милое в не очень милое.

— Нет. Но я все равно хочу это сделать

Выражение его лица грубое и открытое. Это тоска. Со стороны кажется, что все желания любого члена королевской семьи должны мгновенно исполняться. У Николаса есть частные самолеты, слуги, замки и больше денег, чем он сможет потратить за всю жизнь, — но я не могу вспомнить ни одного случая, когда он делал то, что хочет, просто так, черт возьми. Или когда он позволял себе сделать что-то, чего ему делать не следует.

Я восхищаюсь им, но не завидую ему.

— Оливия хочет поехать, но она беспокоится о том, что оставит свою сестру одну на лето. Элли еще юная, она учится в школе и... она очень наивная.

В ней тоже есть что-то дикое. Такое же яркое, как розовые локоны в ее светлых волосах, к которым присоединились сначала голубые, а потом зеленые за те два месяца, что мы были в Нью-Йорке.

— Я понял, что она притягивает неприятности, — комментирую я.

— Вот именно. Кроме того, Элли придется управлять кофейней самостоятельно, только с помощью Марти. Отец Оливии...

— Алкоголик.

Этот тип мне тоже хорошо знаком — я их чувствую за километр.

— Да, — вздыхает Николас. — Послушай, Логан, ты здесь достаточно долго, чтобы понять, что я не так легко доверяю людям. Но я доверяю тебе. — Он проводит рукой по своим черным волосам и встречается со мной взглядом. — Вот почему я тебя обо всем этом спрашиваю. Ты